

Научная статья

УДК 343.97

EDN HTJSAI

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(3).320-328

ПОЛИТИКА РЕАГИРОВАНИЯ НА ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ОСНОВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕМОНСТРАТИВНО-ПРОТЕСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.С. Ильин^{1, 2}

¹ Управление Министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

25 апреля 2022 г.

Дата принятия в печать

4 мая 2022 г.

Дата онлайн-размещения

12 июля 2022 г.

Ключевые слова

Протест; демонстративно-протестная преступность; последствия; профилактика; предупреждение; преступление; политика; безопасность; личность; публичность; общество; группа

Аннотация. Основой профилактики демонстративно-протестных преступлений должна служить эффективная политика реагирования государства на протестные движения. Она представляет собой специфическое направление профилактики протестных движений, которое: 1) следует за протестными акциями, но не сводится к применению карательных правовых мер; 2) минимизирует протестные акции, но не воздействует на причины и условия протестов; 3) направлено на то, чтобы сделать участие лиц в протестных движениях максимально затратным, а реакцию государства на протест — максимально эффективной без применения классических и в экономическом отношении дорогостоящих мер криминологической и уголовно-правовой профилактики. Реакция государства на протест определяется исходя из характера заявляемых протестующими требований и силы протестного движения. Она описывается в четырех вариантах: 1) репрессии в ответ на действия слабой протестной группы, выдвигающей сильные требования; 2) уступка в ответ на действия сильной группы, выдвигающей слабые требования; 3) игнорирование в ответ на действия группы, которая имеет слабые притязания и не обладает коллективной силой; 4) истощение протестного движения в ответ на сильные протестные требования сильной протестной группы. Последний вариант, как наиболее востребованный, базируется на формальном уважении права на протест, но в то же время эффективно сокращает его масштабы. Он включает в себя три компонента: 1) поддержание сплоченности властных элит и демонстрацию единения элит и общества; 2) организацию контрдвижений с противоположными выдвигаемым протестующими требованиями; 3) использование силы судебных решений, вынесенных по гражданско-правовым искам частных лиц о возмещении убытков и ущерба, возникших в результате протестных акций.

Original article

POLICIES FOR RESPONDING TO PROTEST MOVEMENTS AS A BASIS FOR PREVENTING DEMONSTRATION-PROTEST CRIMES

Ilya S. Ilyin^{1, 2}

¹ Department of the Russian Ministry of Internal Affairs in Krasnogvardeisky District of Saint Petersburg, Saint Petersburg, the Russian Federation

² Northwestern Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2022 April 25

Accepted

2022 May 4

Available online

2022 July 12

Abstract. An effective policy of the state's reaction to protest movements should form the basis for the prevention of demonstration-protest crimes. Such policy is a specific area of preventing protest movements that 1) follows protests, but is not limited to the use of punitive legal measures; 2) minimizes protests, but does not influence the causes and conditions of protests; 3) is aimed at maximizing the cost of participating in the protest movement and making the state reaction to the protest maximally effective without resorting to the classical and economically costly measures of criminological and criminal law prevention. The reaction of the state to the protest is determined based on the character of demands put forward by the protesters and the strength of the protest movement. It can be described as one of the

© Ильин И.С., 2022

Keywords

Protest; demonstration-protest crimes; consequences; prevention; crime; politics; security; personality; publicity; society; group

following: 1) repressions as a reaction to the actions of a weak protest group that puts forward strong demands; 2) a concession as a reaction to the actions of a strong group that puts forward weak demands; 3) ignoring the actions of a group with weak demands that does not have a collective force; 4) wearing out the protest movement as a reaction to the strong demands of a strong protest group. The last scenario, as the most demanded one, is based on the formal respect for the right to protest, but at the same time it effectively reduces its scope. It is comprised of three components: 1) maintaining the unity of power elites and demonstrating the unity of the elites and the society; 2) organization of counter-movements whose demands are in direct contrast to those put forward by the protesters; 3) using the force of court decisions on civil law suits of private persons for the compensation of losses and damages resulting from the protest actions.

Одним из новых и актуальных криминальных явлений, представляющих особую опасность для стабильного развития российского государства и общества, необходимо признать демонстративно-протестную преступность. В самом общем виде под ней следует понимать совокупность преступлений и иных общественно опасных деяний, совершаемых участниками публичных протестных акций, которые: 1) совершаются в процессе институционального и неинституционального взаимодействия человека, общества и власти; 2) являются собой неконвенционный способ участия граждан в общественной жизни, форму злоупотребления правом на выражение собственного мнения; 3) проникнуты единством мотивов и характеристик личностей участников; 4) обладают общностью детерминационного комплекса и механизма совершения; 5) имеют отчетливое обособление по месту и времени совершения; 6) предполагают специфический вид профилактических мероприятий и механизм их осуществления. Типичные проявления демонстративно-протестной преступности — криминальные действия, совершаемые в связи с организацией несогласованных акций, призывами к участию в них, а также во время самих этих акций: массовые беспорядки, хулиганские и экстремистские деяния, причинение вреда личности и собственности, посягательства на сотрудников правоохранительных органов.

Практика профилактики демонстративно-протестной преступности определяется множеством факторов, связанных с содержанием нормативной базы предупредительной деятельности, оснащенностью правоохранительных органов и т.д. Однако *ведущую, стратегическую роль играют обстоятельства политического и идеологического порядка, формирующие целевые установки государства не столько по отношению к криминальным действиям, вы-*

ражающим протест, сколько по отношению к самой идее протеста и несогласия с реализуемой в стране государственной политикой.

Относительно недавний исторический опыт России свидетельствует, что в условиях отсутствия политического плюрализма и игнорирования концепции прав человека едва ли не любое выступление против официальных идеологических и политических норм и практик воспринималось вполне категорично и однозначно в качестве исключительно преступного и в любом случае общественно опасного деяния.

Специальные исследования доказывают, что первой и едва ли не естественной реакцией советского государства на протестные настроения и действия была уголовная репрессия. Нормы об ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду (ст. 70 УК РСФСР 1960 г.), за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР 1960 г.), были в данном случае наиболее востребованными. По официальным данным, только с 1956 по 1975 г. за диссидентскую деятельность было осуждено около 1 тыс. чел. [1, с. 110]. Когда власть не могла по каким-либо причинам привлечь диссидентов к уголовной ответственности по специальным нормам, в отношении них широко применялась практика привлечения к ответственности за общеуголовные преступления и административные правонарушения (за тунеядство, хулиганство и др.), чем достигалась цель временного отдаления диссидентов от активной антисоветской деятельности [2, с. 9]. Помимо этого, широко использовались другие репрессивные действия: высылка неугодных лиц за границу, административная ссылка внутри страны, помещение в психиатрическую больницу на принудительное лечение [3, с. 152–153].

Очевидно, что такая стратегия жесткого противодействия любому инакомыслию и лю-

бому протесту в современных условиях является неприемлемой и неконституционной. Новые социально-политические и политико-правовые условия требуют иной стратегической цели и иной концепции профилактики демонстративно-протестных преступлений, основанной прежде всего на признании конституционности права человека на протест, на выражение собственного мнения, на публичные акции. Отсюда — закономерное *требование принципиальной дифференциации государственной реакции на протестные акции как таковые и на проявления деструктивной деятельности при их подготовке и проведении.*

В современной науке обсуждению вопроса о формах реакции государства на протест посвящен значительный массив источников. Общий посыл к обсуждению вполне понятен: если мы хотим выяснить, почему люди протестуют против своих правительств, мы должны принять во внимание, как правительства реагируют на них; точно так же, если мы хотим лучше понять, почему государства ограничивают политические права своих граждан, мы должны исследовать поведение населения по отношению к своим правительствам [4].

При этом справедливо утверждается, что правительства имеют целый ряд вариантов реагирования на протест, некоторые из них могут использоваться одновременно. Они могут варьироваться от игнорирования протеста до применения стратегий его сдерживания и подавления с помощью полиции и вооруженных сил, а также подрывных стратегий, таких как использование агентов-provokаторов или организация контрдвижений, а также политических стратегий сотрудничества или выработки нового законодательства, которое учитывает требования протестующих [5, с. 181].

Одной из основных тем обсуждения в литературе выступает связь между протестом и реализуемыми властью репрессивными мерами (понятие репрессивности в данном случае включает в себя широкий спектр мероприятий, предполагающих непосредственное подавление протеста, его силовое сдерживание, упреждающее карательное воздействие и т.д.).

Существует множество теоретических и эмпирических данных о том, увеличивают или уменьшают государственные репрессии частоту и интенсивность протестов. Однако результаты исследований являются весьма неоднозначными и могут подтвердить почти все возможные

взаимосвязи между протестом и репрессиями [6]. Общий вывод многих научных разработок состоит в том, что подавление протестных проявлений может провоцировать диссидентское поведение, но в то же время и сдерживать его, а статистический анализ взаимосвязи между репрессиями и диссидентским поведением показывает, что это утверждение может быть вполне обоснованным [7].

Так, некоторые специалисты доказывают, что усиление репрессивности реакции государства на протест увеличивает воспринимаемую участниками протестных акций «стоимость участия» в протесте [8], оценивается протестующими как снижение их шансов на успех [9], что закономерно приводит к сокращению масштабов протестной активности. Доказывается влияние репрессий на изменение тактики протестов. М. Личбах, например, выдвигает гипотезу, что диссиденты заменят насильственный протест ненасильственным протестным поведением (и наоборот), когда столкнутся с репрессиями [10].

Другие исследователи подтверждают гипотезу обратной реакции, полагая, что чрезвычайно жесткое принуждение, хотя и может временно, в краткосрочной перспективе, уменьшить протест, все же стимулирует диссидентское поведение в долгосрочной перспективе, особенно когда репрессии применяются без разбора [11; 12]. Отмечается, что репрессии только увеличат социальную депривацию [13], укрепят групповую идентичность протестующих [14] и, соответственно, усилят потенциал протестного движения. Социальные психологи дополнительно подчеркивают, что важную роль в эскалации протеста будет играть возникновение ярости как эмоциональная реакция на репрессии [15] и легитимация применения ответного насилия в отношении представителей правящего режима [16].

Многие авторы при этом отмечают, что динамика протестной активности в ответ на репрессивные меры против протестующих во многом зависит от типа политического режима. Д.К. Гупта, Х. Сингх и Т. Спрэг говорят, в частности, о том, что в демократических странах репрессии подстегивают насилие со стороны протестующих, тогда как в условиях авторитаризма достаточно жесткие репрессии могут быть вполне эффективны для сдерживания протестов [17]. С.К. Карей также указывает, что авторитарные режимы, как правило, не имеют институционализированных каналов, которые могли бы учитывать народное недовольство и оппозиционные мнения, они по

своей сути менее склонны удовлетворять требования граждан. Отсюда — высокая вероятность именно репрессивной реакции. При авторитарных режимах «выгоды» от инакомыслия будут низкими, в то время как «затраты» на протест в условиях проведения репрессий очень высоки, следовательно, репрессии с меньшей вероятностью будут стимулировать к протесту. Иное дело — демократические режимы. Нормы и институты, действующие при демократии, призваны способствовать компромиссу и сотрудничеству. Демократический строй не только институционально ограничивает использование репрессивных мер или различных санкций, но и в большей степени благоприятствует диалогу при столкновении с оппозицией, а потому с меньшей вероятностью ответит репрессиями на народный протест. Что касается влияния репрессий на протест, то в условиях демократии люди с большей вероятностью ответят на репрессии инакомыслием, чем при других режимах. Когда правительство переходит черту, население, скорее всего, будет протестовать против нарушения их прав и свобод [18].

Предложенные специалистами концепции при всей их безусловной ценности, как правило, сосредоточены на обсуждении двух диаметрально противоположных форм реакции государства на протест — репрессии и признания. Однако реальность современного мира свидетельствует, что в стратегическом отношении эти концепции не исчерпывают собой все возможные формы реагирования государства на протест. В теоретическом отношении слабость такого дихотомичного описания объясняется тем, что оно не учитывает как минимум две важные «переменные» — силу протестного движения и характер заявляемых протестующими активистами требований.

О связи содержания протестных требований и реакции государства на протест мы уже писали, рассуждая о социальных последствиях демонстративно-протестной преступности. Здесь же отметим, что и в рамках профилактической парадигмы содержание требований протестующих рассматривается как важный аспект, определяющий реакцию государства на протест [19, р. 3]. В связи с этим в литературе формулируется так называемый закон насильственного ответа (Law of Coercive Responsiveness), который гласит, что государство склонно отвечать репрессиями на протест, если воспринимает его как угрозу [20]. И, соответственно, напротив, государство в

большей степени склонно к уступкам и удовлетворению требований протестующих, если такие требования не подрывают основ власти (являются реформационными, а не революционными) и могут иметь значение для продвижения электоральных интересов властных групп. Эта форма реакции иногда именуется терпимостью [21, р. 42; 22]. Содержание требований протестующих может использоваться и более тонким образом при формировании ответной реакции на них официальных властей. В ситуации, когда с учетом этих требований власть сознает возможность диалога с протестующими, она может начать диалог с ними с целью внести раскол в протестное движение, разделить протестующих на тех, кто готов к компромиссу и переговорам, и на радикальные элементы и впоследствии применить различные стратегии реагирования на разобщенные протестные силы [23].

Однако важно подчеркнуть, что само по себе содержание требований также не в полной мере и не всегда детерминирует реакцию на протест. Здесь имеет важное значение и сила самого протестного движения, его поддержка широкими слоями населения и (или) международным сообществом, авторитет лидеров протеста.

В этой связи необходимо комплексное обсуждение реакции на протест в зависимости от многих факторов, его характеризующих, прежде всего, как было отмечено, от характера выдвигаемых требований и мобилизационных возможностей участников протестов. Убедительную картину возможных вариантов реакции государства на протесты, учитывающих эти переменные, представляют С. Йен и Е.В. Ченг [24].

Авторы сформировали типологию государственных стратегий реагирования на протест, указав четыре потенциально возможных варианта ответа: репрессия — уступка — игнорирование — истощение. Соответственно: 1) действия слабой протестной группы, выдвигающей сильные требования, вызывают репрессии; 2) действия сильной группы, выдвигающей слабые требования, вызывают уступку; 3) действия группы, которая имеет слабые притязания и не обладает коллективной силой, обычно игнорируются властью; 4) когда протестные требования и протестная группа сильны, режим, как правило, использует истощение, чтобы исчерпать протест, в то же время действуя оборонительно, чтобы укрепить свои позиции против группы.

Последний вариант реакции на протест представляет особый интерес, поскольку именно

он чаще всего в последнее время используется большинством государств в качестве внешне благопристойного, основывающегося на формальном уважении права на протест и соблюдении демократических принципов социального регулирования, но в то же время весьма эффективно, в том числе с точки зрения затрат на реализацию, сокращающего масштабы протеста. Эффективность этой стратегии предоставляет возможность ее применения не только для реагирования на сильные притязания сильных протестных групп, но и фактически в любой иной ситуации.

Как отмечают Йен и Ченг, обобщая многочисленные эмпирические данные, стратегия истощения включает в себя три основных элемента: 1) во-первых, поддержание сплоченности элит и демонстрацию единения властной элиты и общества, когда посредством «лицензированного гражданского общества и прорежимных общественных движений» [25] у общественности формируется убеждение, что надежды на изменение и улучшение жизни связаны с тем, чтобы работать вместе с действующим руководством страны, а не организовываться против него; 2) во-вторых, организацию контрдвижений, которые одновременно выдвигают требования, противоположные тем требованиям, что изначально выдвигали протестующие [26]; 3) в-третьих, правовое вмешательство, основанное на неоспоримых (их привычно можно назвать «общеуголовные») правовых запретах и использовании силы судебных решений, вынесенных по гражданско-правовым искам частных лиц о возмещении убытков и ущерба, возникших в результате самих протестных акций, а не какого-либо наказуемого преступления.

Оценивая практику реагирования российской власти на протестные движения, можно вполне уверенно утверждать, что она демонстрирует использование едва ли не всех доступных способов (от силового подавления до уступок) и при этом придерживается четко обозначенной линии истощения протестов с применением всех только что описанных технологий. Достаточно вспомнить функционирование общественного движения «Народный фронт «За Россию»¹, практику таких движений, как «Идущие вместе» и «Наши», организацию маршей и иных массовых акций в поддержку президента страны и его политического курса [27], описан-

ную ранее практику подачи исковых заявлений о компенсации причиненного протестными акциями вреда и возмещении убытков. Дополнительно к этому активно и не без оснований эксплуатируется тезис о прямом участии иностранных агентов, политических сил и спецслужб в организации, финансировании и иной поддержке протестных движений, используется стратегия внедрения в массовое сознание убежденности во враждебном характере «внешнего» участия в отечественной политике и в маргинальности любых российских политических сил, апеллирующих к зарубежной поддержке [28, с. 34].

В нашу профессиональную задачу не может входить оценка политической состоятельности и целесообразности самих мер. С криминологико-профилактической точки зрения достаточно сказать, что все эти меры работают на сдерживание протестных акций, а следовательно, и минимизируют риски демонстративно-протестной преступности. Более того, надо подчеркнуть, что с позиции криминологического анализа это вполне оправданная дифференцированная стратегия, позволяющая адаптировать реакцию государства на различные по содержанию и силе протестные движения. Она демонстрирует одновременно готовность власти вступать в диалог с протестующими и защищать собственные интересы, собственную политику.

Важное замечание состоит также в том, что рассмотренные нами стратегии реагирования на протестные движения в концепции профилактики демонстративно-протестной преступности занимают весьма специфическое место. С одной стороны, они имеют вполне заданную направленность и объект воздействия и потому могут рассматриваться в качестве специальных мер реагирования на протест, с другой же стороны, они обладают неким свойством универсальности, всеобщности, отражая одно из направлений политического регулирования в стране, и по этой причине вполне могут рассматриваться в контексте мер общесоциальной профилактики. Все эти меры, безусловно, обладают профилактическим эффектом, будучи направленными на минимизацию протестов, однако они не ориентированы на устранение причин протестных движений, не воздействуют на закономерности и условия их возникновения и в этом отношении имеют слабую привязку именно к профилактической деятельности.

Такие характеристики государственной реакции на протест не позволяют однозначно

¹ Устав общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию». URL: <https://onf.ru/structure/documents-0>.

«вписать» ее в стандартную криминологическую схему профилактического воздействия. Более того, они убедительно свидетельствуют, что криминологическая политика страны претерпела весьма существенную трансформацию, еще в полной мере не осознанную криминологической наукой.

По сути, в рассматриваемой ситуации мы имеем дело с неким «третьим» направлением профилактики, которое: 1) следует за протестными акциями, как могли бы следовать за ними меры уголовно-правового реагирования, но не сводится к применению карательных правовых мер; 2) минимизирует протестные акции, как собственно профилактика, но не воздействует на причины и условия возникновения протестов.

Такое направление, как представляется, в полной мере демонстрирует возможности реализации в праве методов экономического анализа, основанного на корреспондирующей оценке затрат и выгод (от протеста и от мер реагирования на него), а также на обсуждении достоинств предупредительных стратегий *ex post* и *ex ante* [29, с. 282–352; 30; 31, с. 54; 32, с. 208–211, 335–338; 33; 34; 35, с. 94–99; 36, с. 136–137; 37, с. 150–155]. Оно занимает некое промежуточное место между собственно профилактикой протестов (как устранением или минимизацией причин и условий их возникновения) и карательным (репрессивным) правовым воздействием на участников протеста и направлено в конечном итоге на то, чтобы сделать участие лиц в протестных движениях максимально затратным и невыгодным, а реакцию государства на протест — максимально дешевой и эффективной, не прибегая при этом к классическим и в экономическом отношении дорогостоящим мерам общесоциальной и уголовно-правовой профилактики.

Такое местоположение стратегий реагирования на протест в общем массиве реализуемых государством предупредительных мер объясняется прежде всего специфической природой самого протеста как социального явления, который одновременно сочетает в себе признаки и правомерного, и противоправного поведения. Относительно самостоятельная природа протеста детерминирует и относительно самостоятельный спектр реакций на него. Подчеркнем слово «относительный». Оно в данном случае позволяет и в теоретическом отношении оправдывает включение рассмотренных

стратегий в общую канву предупредительного воздействия на демонстративно-протестную преступность. Оно же дает возможность категорично утверждать, что эти стратегии реагирования на протест не могут вытеснить, заменить собой традиционные меры профилактики. Более того, воздействие на причины и условия возникновения протестов и демонстративно-протестной преступности не должно отходить на второй план.

Совершенно прав В.В. Шустин, когда пишет, что подавление протестных проявлений само по себе не способствует излечению общества: «Система государственной безопасности должна не столько обеспечивать подавление всех форм оппозиционности, сколько давать информацию правящим кругам о причинах, формах и фактах народного недовольства. Познавание внутренних причин, порождающих проявления общественного протеста, должно помогать преодолению недостатков, развитие которых может ускорить гибель общественной системы» [38, с. 3].

В этой связи традиционный криминологический взгляд на общесоциальную и специально-криминологическую профилактику демонстративно-протестной преступности сохраняет свое познавательное и прикладное значение.

Как представляется, в организации криминологической профилактики демонстративно-протестной преступности необходимо учитывать такую ее принципиальную особенность, как противоречивое сочетание тяготеющей к праву мотивации протеста и реальное проявление в виде тяготеющей к бессознательному поведению толпы. По этой причине профилактика должна основываться на предварительной криминологической оценке этих противоречивых характеристик, которая, в свою очередь, должна задавать общий тон и общую направленность реализуемых профилактических мер. Такая оценка, вытекающая из анализа криминографии и механизма детерминации демонстративно-протестной преступности, свидетельствует, что стратегия профилактического воздействия на ее мотивационный фон должна основываться на восприятии протестной деятельности в контексте наличия в ней правовых и отсутствия экстремистских мотивов, тогда как профилактика реальных проявлений демонстративно-протестной преступности должна базироваться на признании их стихийного, массового, уличного характера. В этом состоит специфика

профилактики демонстративно-протестной преступности, ибо наличие экстремистской мотивации протеста «разворачивает» профилактику в русло стандартных мер предупреждения экстремизма, а отсутствие правовой составляющей в мотивах уличных преступлений «разворачивает» профилактику в направлении стандартных мер предупреждения преступлений против общественного порядка.

Совпадение противоречивых характеристик демонстративно-протестной преступности определяет общую направленность криминологико-профилактических мероприятий, которые в итоге должны устранить экстремизм и нарушение общественного порядка при проведении массовых мероприятий протестного характера.

В структурном отношении такие профилактические мероприятия логично укладываются в классические представления об общесоциальной и специально-криминологической

профилактике. Учитывая, что толпа как особый криминологический субъект преступности слабо поддается рациональному внушению и воздействие на ее мотивационную сферу крайне затруднено (если в принципе возможно), надо признать, что *профилактика экстремистских настроений как деятельность, связанная с формированием определенных идеологических и правовых установок, может быть эффективной на ранних этапах формирования протестного потенциала и в большей степени должна обеспечиваться за счет общесоциальных мер профилактики, тогда как профилактика массовых нарушений общественного порядка в момент, когда толпа уже мобилизована или готова к мобилизации, должна обеспечиваться в большей степени организационными, техническими, правовыми мерами и содержательно тяготеть к специально-криминологическому уровню профилактических мер.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельев А.В. Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950–1970-х годов / А.В. Савельев // Вопросы истории. — 1998. — № 4. — С. 109–120.
2. Оришич Е.Г. Диссидентство как политическая форма протестного движения в СССР и особенности привлечения инакомыслящих к юридической ответственности (середина 1960-х — середина 1980-х гг.): историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.Г. Оришич. — Краснодар, 2009. — 26 с.
3. Кудрявцев В.Н. Политическая юстиция в СССР / В.Н. Кудрявцев, А.И. Трусков. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. — 383 с. — EDN ZGTQHV.
4. Moore W.H. Repression and Dissent: Substitution, Context, and Timing / W.H. Moore // American Journal of Political Science. — 1998. — Vol. 42, no. 3. — P. 851–873.
5. Peña A.M. Responding to the Street: Government Responses to Mass Protests in Democracies / A.M. Peña, T.R. Davies // Mobilization: An International Quarterly. — 2017. — Vol. 22, no. 2. — P. 177–200.
6. Carey S.C. The Dynamic Relationship Between Protest and Repression / S.C. Carey // Political Research Quarterly. — 2006. — Vol. 59, no. 1. — P. 1–11.
7. Moore W.H. Repression and Dissent: Substitution, Context, and Timing / W.H. Moore // American Journal of Political Science. — 1998. — Vol. 42, no. 3. — P. 851–873.
8. Opp K.D. Dissident groups, personal networks, and spontaneous cooperation: The East German revolution of 1989 / K.D. Opp, C. Gern // American Sociological Review. — 1993. — Vol. 58, no. 5. — P. 659–680.
9. Comparative perspectives on social movements: Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings / D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald, N.Z. Mayer. — New York : Cambridge Univ. Press, 1996. — 426 p.
10. Lichbach M. Deterrence or Escalation? The Puzzle of Aggregate Studies of Repression and Dissent / M. Lichbach // Journal of Conflict Resolution. — 1987. — Vol. 31. — P. 266–297.
11. Mason D. The Political Economy of Death Squads: Toward a Theory of the Impact of State-sanctioned Terror / D. Mason, D. Krane // International Studies Quarterly. — 1989. — Vol. 33. — P. 175–198.
12. Rasler K. Concession, Repression, and Political Protest in the Iranian Revolution / K. Rasler // American Sociological Review. — 1996. — Vol. 61. — P. 131–152.
13. Gurr T.R. Why men rebel / T.R. Gurr. — Princeton Univ. Press, 1971. — 420 p.
14. Drury J. Collective action and psychological change: The emergence of new social identities / J. Drury, S. Reicher // British Journal of Social Psychology. — 2000. — Vol. 39, no. 4. — P. 579–604.
15. Ayanian A.H. How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising / A.H. Ayanian, N. Tausch // British Journal of Social Psychology. — 2016. — Vol. 55, no. 4. — P. 700–721.
16. Public Protest and Police Violence: Moral Disengagement and its Role in Police Repression of Public Demonstrations in Portugal / M. Soares, M. Barbosa, R. Matos, S.M. Mendes // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. — 2018. — Vol. 24, no. 1. — P. 27–35.
17. Gupta D.K. Government Coercion of Dissidents: Deterrence or Provocation / D.K. Gupta, H. Singh, T. Sprague // Journal of Conflict Resolution. — 1993. — Vol. 37. — P. 301–339.
18. Carey S.C. The Dynamic Relationship between Protest and Repression / S.C. Carey // Political Research Quarterly. — 2006. — Vol. 59, no. 1. — P. 12–13.

19. Uba K. Introduction: Rethinking The Consequences of Social Movements and Cycles of Protest / K. Uba, E. Romanos // *Revista Internacional de Sociología*. — 2016. — Vol. 74, no. 4. — e044.
20. Davenport C. State repression and political order / C. Davenport // *Annual Review of Political Science*. — 2007. — Vol. 10. — P. 1–23.
21. Cai Y. Collective Resistance in China / Y. Cai. — Stanford : Stanford Univ. Press, 2010. — 284 p.
22. Franklin J.C. Contentious Challenges and Government Responses in Latin America / J.C. Franklin // *Political Research Quarterly*. — 2009. — Vol. 62, no. 4. — P. 700–714.
23. Peña A.M. Responding to the Street: Government Responses to Mass Protests in Democracies / A.M. Peña, T.R. Davies // *Mobilization: An International Quarterly*. — 2017. — Vol. 22, no. 2. — P. 177–200.
24. Yuen S. Neither Repression nor Concession? A Regime's Attrition against Mass Protests / S. Yuen, E.W. Cheng // *Political Studies*. — 2017. — Vol. 65, no. 3. — P. 611–630.
25. Robertson G.B. The Politics of Protest in Hybrid Regimes. Managing Dissent in Post-Communist Russia / G.B. Robertson. — New York : Cambridge Univ. Press, 2011. — 285 p.
26. Horvath R. Putin's 'Preventive Counter-Revolution': Post-Soviet Authoritarianism and the Specter of Velvet Revolution / R. Horvath // *Europe-Asia Studies*. — 2011. — Vol. 63, no. 1. — P. 1–25.
27. Граф Н. По всей стране проходит флешмоб в поддержку президента России / Н. Граф // *Российская газета*. — 2021. — 5 февр. — URL: <https://rg.ru/2021/02/05/po-vsei-strane-prohodit-fleshmob-v-podderzhku-prezidenta-rossii.html>.
28. Данилов М.В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е — 2000-е гг.) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / М.В. Данилов. — Саратов, 2015. — 39 с.
29. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход / Г. Беккер. — Москва : ГУ ВШЭ, 2003. — 670 с.
30. Капелюшников Р. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению / Р. Капелюшников. — EDN QCIMZ // США: Экономика, политика, идеология. — 1993. — № 11. — С. 17–23.
31. Андриенко Ю.В. Экономика преступлений: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.13 / Ю.В. Андриенко. — Москва, 2003. — 133 с.
32. Карапетов А.Г. Экономический анализ права / А.Г. Карапетов. — Москва : Статут, 2016. — 527 с.
33. Победоносцев А.В. Больше оружия, меньше преступлений? / А.В. Победоносцев. — EDN WYKICD // Социология власти. — 2016. — Т. 28, № 3. — С. 183–199.
34. Рысмагамбетова Г.М. Еще раз об экономическом подходе к изучению преступности / Г.М. Рысмагамбетова, К.С. Лакбаев, К.Б. Манапов. — EDN YUMYQP // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. — 2016. — № 3 (44). — С. 39–45.
35. Бибики О.Н. Рынок преступлений и наказаний / О.Н. Бибики. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2017. — 317 с.
36. Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно / Д. Фридман ; пер. с англ. И. Кушнаревой ; под науч. ред. М. Одинцовой. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. — 567 с.
37. Лейцель Д. Принципы права и экономики. Руководство для любознательных / Д. Лейцель ; пер. с англ. И. Кушнаревой ; под науч. ред. М. Одинцовой. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. — 413 с.
38. Шустин В.В. КГБ СССР в борьбе с протестными проявлениями внутри советского общества в конце 1950–1980-е гг. (по материалам Мордовии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Шустин. — Саранск, 2006. — 22 с.

REFERENCES

1. Savelev A.V. Political uniqueness of the dissident movement in the USSR in 1950s–1970s. *Voprosy istorii = Issues of History*, 1998, no. 4, pp. 109–120. (In Russian).
2. Orishich E.G. *Dissident movement as a political form of protest movement in the USSR and the specific of prosecuting the differently minded (mid-1960s — mid 1980s): a historical-legal study*. Cand. Diss. Thesis. Krasnodar, 2009. 26 p.
3. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. *Political Justice in the USSR*. 2nd ed. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2002. 383 p. EDN: ZGTQHV.
4. Moore W.H. Repression and Dissent: Substitution, Context, and Timing. *American Journal of Political Science*, 1998, vol. 42, no. 3, pp. 851–873.
5. Peña A.M., Davies T.R. Responding to the Street: Government Responses to Mass Protests in Democracies. *Mobilization: An International Quarterly*, 2017, vol. 22, no. 2, pp. 177–200.
6. Carey S.C. The Dynamic Relationship between Protest and Repression. *Political Research Quarterly*, 2006, vol. 59, no. 1, pp. 1–11.
7. Moore W.H. Repression and Dissent: Substitution, Context, and Timing. *American Journal of Political Science*, 1998, vol. 42, no. 3, pp. 851–873.
8. Opp, K.D., Gern C. Dissident Groups, Personal Networks, and Spontaneous Cooperation: The East German Revolution of 1989. *American Sociological Review*, 1993, vol. 58, no. 5, pp. 659–680.
9. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N., Mayer N.Z. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. New York, Cambridge University Press, 1996. 426 p.
10. Lichbach M. Deterrence or Escalation? The Puzzle of Aggregate Studies of Repression and Dissent. *Journal of Conflict Resolution*, 1987, vol. 31, pp. 266–297.
11. Mason D., Krane D. The Political Economy of Death Squads: Toward a Theory of the Impact of State-sanctioned Terror. *International Studies Quarterly*, 1989, vol. 33, pp. 175–198.
12. Rasler K. Concession, Repression, and Political Protest in the Iranian Revolution. *American Sociological Review*, 1996, vol. 61, pp. 131–152.
13. Gurr T.R. *Why Men Rebel*. Princeton University Press, 1971. 420 p.
14. Drury J., Reicher S. Collective Action and Psychological Change: The Emergence of New Social Identities. *British Journal of Social Psychology*, 2000, vol. 39, no. 4, pp. 579–604.

15. Ayanian A.H., Tausch N. How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists During the 2013 Post-Coup Uprising. *British Journal of Social Psychology*, 2016, vol. 55, no. 4, pp. 700–721.
16. Soares M., Barbosa M., Matos R., Mendes S.M. Public Protest and Police Violence: Moral Disengagement and its Role in Police Repression of Public Demonstrations in Portugal. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 27–35.
17. Gupta D.K., Singh H., Sprague T. Government Coercion of Dissidents: Deterrence or Provocation. *Journal of Conflict Resolution*, 1993, vol. 37, pp. 301–339.
18. Carey S.C. The Dynamic Relationship between Protest and Repression. *Political Research Quarterly*, 2006, vol. 59, no. 1, pp. 12–13.
19. Uba K., Romanos E. Introduction: Rethinking The Consequences of Social Movements and Cycles of Protest. *Revista Internacional de Sociología*, 2016, vol. 74, no. 4, e044.
20. Davenport C. State Repression and Political Order. *Annual Review of Political Science*, 2007, vol. 10, pp. 1–23.
21. Cai Y. *Collective Resistance in China*. Stanford University Press, 2010. 284 p.
22. Franklin J.C. Contentious Challenges and Government Responses in Latin America. *Political Research Quarterly*, 2009, vol. 62, no. 4, pp. 700–714.
23. Peña A.M., Davies T.R. Responding to the Street: Government Responses to Mass Protests in Democracies. *Mobilization: An International Quarterly*, 2017, vol. 22, no. 2, pp. 177–200.
24. Yuen S., Cheng E.W. Neither Repression nor Concession? A Regime's Attrition Against Mass Protests. *Political Studies*, 2017, vol. 65, no. 3, pp. 611–630.
25. Robertson G.B. *The Politics of Protest in Hybrid Regimes. Managing Dissent in Post-Communist Russia*. New York, Cambridge University Press, 2011. 285 p.
26. Horvath R. Putin's 'Preventive Counter-Revolution': Post-Soviet Authoritarianism and the Specter of Velvet Revolution. *Europe-Asia Studies*, 2011, vol. 63, no. 1, pp. 1–25.
27. Graf N. A flashmob in support of the President of Russia is taking place throughout the country. *Rossiiskaya Gazeta*, 2021, February 5. Available at: <https://rg.ru/2021/02/05/po-vsei-strane-prohodit-fleshmob-v-podderzhku-prezidenta-rossii.html>. (In Russian).
28. Danilov M.V. *Institutes, mechanisms and technologies of the politization of society in post-Soviet Russia (1990s–2000s)*. *Doct. Diss. Thesis*. Saratov, 2015. 39 p.
29. Becker G.S. *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago University Press, 1978. 320 p. (Russ. ed.: Becker G.S. *The Economic Approach to Human Behavior*. Moscow, 2003. 670 p.).
30. Kapelyushnikov R. The economic approach of Gary Becker to human behavior. *SShA: Ekonomika, politika, ideologiya = USA: Economics, Politics, Ideology*, 1993, no. 11, pp. 17–23. (In Russian).
31. Andrienko Yu.V. *The economy of crime: theoretical and empirical study of crime-determining factors*. *Cand. Diss.* Moscow, 2003. 133 p.
32. Karapetov A.G. *Economic Analysis of Law*. Moscow, Statut Publ., 2016. 527 p.
33. Pobedonostsev A.V. More Guns, Less Crime? Changes in the Legislation on Gun Control in the United States Through the Prism of Empirical Legal Studies. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2016, vol. 28, no. 3, pp. 183–199. (In Russian). EDN: WYKICD.
34. Rysmagambetova G.M., Lakbaev K.S., Manapov K.B. Once Again, the Economic Approach to the Study of Crime. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2016, no. 3, pp. 39–45. (In Russian). EDN: YUMYQP.
35. Bibik O.N. *The market of crimes and punishments*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Press Publ., 2017. 317 p.
36. Friedman D.D. *Law's Order. What Economics has to do with Law and why it Matters*. Princeton University Press, 2000. 329 p. (Russ. ed.: Friedman D. *Law's Order. What Economics has to do with Law and why it Matters*. Moscow, 2017. 567 p.).
37. Leitzel J. *Concepts in Law and Economics: a Guide for the Curious*. Oxford University Press, 2015. 224 p. (Russ. ed.: Leitzel J. *Concepts in Law and Economics: a Guide for the Curious*. Moscow, 2017. 413 p.).
38. Shustin V.V. The KGB of the USSR in fighting protest manifestations in the Soviet society in late 1950s–1980s (on material from Mordovia). *Cand. Diss. Thesis*. Saransk, 2006. 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Илья Сергеевич — начальник Управления Министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: isilyin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1362-0519>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ильин И.С. Политика реагирования на протестные движения как основа предупреждения демонстративно-протестных преступлений / И.С. Ильин. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(3).320-328. — EDN HTJSAI // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 3. — С. 320–328.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilyin, Ilya S. — Head, Department of the Russian Ministry of Internal Affairs of in Krasnogvardeysky District of Saint Petersburg, Ass. Professor, Chair of Legal Studies, Northwestern Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: isilyin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1362-0519>.

FOR CITATION

Ilyin I.S. Policies for Responding to Protest Movements as a Basis for Preventing Demonstration-Protest Crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 320–328. (In Russian). EDN: HTJSAI. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).320-328.